

"Время стирает всё"

Это известное утверждение справедливо лишь отчасти. Да, время стирает многое, но оно не может полностью уничтожить память людскую. Особенно это относится к детской памяти, которая живет, ярче и долговечнее памяти взрослых. Это воспоминания о местах, где ты родился, о родителях, друзьях детства, о своем первом чувстве влюбленности. Эти моменты не стираются даже тогда, когда ты стоишь на пороге старости.

Сегодня я хотел бы привести воспоминания Эстер Кац Ливингстон о родных для нее Михалишках.

Этой девочке накануне Великой Отечественной войны было около 9 – 12 лет, но она хорошо запомнила то многострадальное время. Ее воспоминания очень интересны и ломают привычные представления о жизни довоенной белорусской деревни. Порой они страшны, порой наивны, иногда односторонни и противоречивы. По этой причине я позволил себе не только

процитировать их, но и прокомментировать с учетом воспоминаний других людей и свидетельств документов.

Воспоминания приводятся с некоторыми сокращениями.

Гетто

«Гетто в нашем местечке было основано в конце сентября – начале октября 1941 года. Условия там были ужасными. Здесь были люди и из других местечек. В бараках размещалось по пять человек в каждой комнате. Днем мы все должны были идти на рыночную площадь и

ждать там в течение нескольких часов. Немцы били нас каждый день. Ближе к вечеру они выбирали некоторое количество мужчин – примерно человек 40-60 – и оставляли их. Остальные отправлялись назад в гетто. Как и во всех гетто на территории оккупированной Польши, наше гетто должно было выбрать свой «юденрат» («еврейский совет»), который должен был выполнять все распоряжения немцев. Например, собирались все драгоценности у евреев и передавались немцам. Наш «юденрат» состоял из четырех или шести человек. Его главной функцией являлся отбор людей на работу под немецким надзором.

Начальника немецкого гарнизона в нашем местечке звали Гизи (точнее, Август Гизи – И.У.) Это был очень жестокий человек. Однажды молодая женщина по имени Фейге попыталась пронести в гетто еду. Испытывая голод, в надежде раздобыть пищу, она вышла на рыночную площадь по дороге, которая шла возле ее дома недалеко от входа в гетто. Гизи, имевший кабинет в немецкой комендатуре в доме №141, увидел ее на рыночной площади и выстрелил в нее без предупреждения. В другое время мужчина по имени Гирш, живший ранее в доме №118, был пойман, когда тайком пронесил в гетто курицу. Гизи заметил его позади конюшни немецкой комендатуры и избивал его всю ночь. Затем отвел его за здание и застрелил. После этого он отдал курицу моему отцу, который работал у него на конюшне, и приказал отнести ее жене Гирша». О том, что Август Гизи был самым настоящим садистом, вспоминают и другие жители Михалишек. Судя по всему, этот хромой немецкий офицер был освобожден от службы на фронте. По деревне он разгуливал с плеткой в руках и в сопровождении собаки. От жителей он требовал, чтобы во всем соблюдался исключительно немецкий порядок. За малейшее нарушение он избивал плетью или травил

собакой, после чего людям приходилось неделями отлеживаться дома.

Не отставали от своего начальника и рядовые вахманы – полицейши из состава 257-го полицейского батальона. Они были набраны из числа лютовских добровольцев, но командовали ими немцы. Любимым их развлечением было то, что они называли «рыбалкой». Провинившегося еврея связывали и на длинной веревке сбрасывали с моста в Вилию. Когда несчастный начинал захлебываться, его вытаскивали из воды, давали отдышаться, а затем снова сбрасывали вниз. Так повторялось десятки раз, многие не выдерживали экзекуции и умирали. Другие были расстреляны только за то, что они были старыми и больными и не представляли собой ценности как рабочая сила. Расстрелянных хоронили на берегу ручья, впадавшего в Вилию.

«Однако в местечке еще оставались хорошие люди, которые разными способами пытались помочь евреям. Я помню одного мужчину-поляка, которого звали Градецкий. Он имел связи с немцами. Хорошо образованный, он говорил на нескольких языках и был чем-то вроде главы нашего местечка в течение этого времени. Он обеспечил мою мать работой в качестве кухарки в местном полицейском участке (дом №24). Полицейские силы в это время состояли из двух или трех немцев и около двенадцати литовских добровольцев.

В один из дней наш юденрат должен был подготовить список из 80-100 человек для очередной работы, запланированной немцами за пределами нашего гетто. Тогда в этот список попала и моя мать. Хотя мы и просили за нашу мать, говоря, что она имеет троих детей (меня и двух младших братьев), совет не изменил своего решения. Даже вмешательство моего учителя, господина Райвера, человека весьма уважаемого, члена нашей общины, не помогло произвести замену. Я узнала то, что члены нашего

юденраты составляли протекцию некоторым семьям, члены которых не значились в этом списке узников. Я и оба моих младших брата не смогли бы выжить без нашей матери и я решила поменяться с ней в этом списке. Юденрат разрешил это сделать. Мне тогда было только 12 лет. Моя мать была сильной женщиной. Она доставляла еду в гетто любыми возможными путями, чтобы прокормить детей. Юденрат знал это, а еще он знал о том, что моя мать готовит мой побег. Она задумала план моего освобождения в ближайшую ночь. Но юденрат сообщил об этом литовским полицейским и охрана расположилась вокруг ограды нашего гетто. Когда моя мать попыталась протиснуть меня через приоткрытые ворота, полиция уже ждала меня. К счастью, меня успели быстро втащить назад. На следующий день я была вынуждена покинуть свою семью и свое родное местечко Михалишки. Мы должны были пройти около 10 километров до местечка Гервяты. Там мы переночевали. Всю ночь литовские полиция избивали нас. Затем мы поездом проехали от Сол до Веваса в Литве, а там – на грузовиках до лагеря Милегани. По счастью, лагерь охраняли немецкие охранники, они были менее жестоки, чем литовские добровольцы. Немцы были из числа солдат вермахта (регулярной немецкой армии), а не из СС. Отношение к нам было менее жестоким, чем в гетто или по дороге в этот лагерь. Гетто в Михалишках было ликвидировано в марте 1943 года. Оставшиеся евреи были отправлены в Вильню. Им предложили выбрать, куда им отправляться дальше – в вильнюское или каунасское гетто. Большинство из них выбрало ехать в вильнюское гетто, где их ждала смерть. На железнодорожной станции с Вильно юденрат вильнюсского гетто высказался против их принятия. Поэтому люди попали в Понары, где и были убиты эсэсовцами». Концлагерь-фабрика смерти Понары находился в живописном предместье Вильнюса, до войны служившим

местом воскресного отдыха горожан. После присоединения Литвы к Советскому Союзу здесь началось строительство военного аэродрома, которое так и не было завершено. С началом оккупации немцы сочли Понары идеальным местом для создания концлагеря: сюда подходила железнодорожная ветка, по которой доставляли узников не только с оккупированной территории СССР, но и из Западной Европы. Прибывших размещали в бетонированных ямах глубиной 5-6 метров, которые при строительстве аэродрома планировали использовать в качестве хранилищ для горючего. Выбраться из этих ям без посторонней помощи было невозможно. Часть заключенных использовали на различных работах, часть сразу расстреляли в близлежащем лесу. Трупы убитых закапали в больших ямах, которые заставляли рыть специальные похоронные команды из тех же заключенных. По самым скромным подсчетам, в концлагере Понары было уничтожено более 100 тысяч человек. В 1944 году, когда положение на советско-германском фронте коренным образом изменилось, оккупационные власти приняли решение постепенно сворачивать концлагерь. Они опасались, что в случае прорыва советских войск следы их зверских преступлений будут раскрыты и станут известны мировому сообществу. Трупы расстрелянных стали выкапывать и сжигать, но несколько тысяч человеческих останков фашисты уничтожить не успели. Поняв, что дело идет к тотальному уничтожению евреев, часть узников сумела организовать массовый побег и укрыться в лесу. Они и смогли рассказать о тех ужасах, которые происходили в аду под названием Понары. Как в таких условиях удалось спастись Эстер Кац, она не рассказывает.

Не все до конца ясно и с ликвидацией гетто в Михалишках. Эстер Кац относит это к марту 1943 года, и другие свидетели подтверждают этот факт.

Однако исследователь М.Ботвинник в своей книге «Памятники геноциду евреев в Белоруссии» пишет, что летом 1944 года, незадолго до освобождения Михалишек Красной Армией, немцы и полицаи вывезли отсюда в сторону Вильнюса 158 местных жителей еврейской национальности. Эта цифра почему-то точно совпадает с числом евреев, официально уничтоженных в Михалишках и зафиксированных на памятнике, установленном в деревне. Какая из двух версий находится ближе к истине, покажет время.

Игорь Устименко

**"Пока я помню – я живу". О войне вспоминает
Казимир Равданович
Оккупация**

До войны более половины населения Михалишек составляли евреи. Здесь у них была своя школа, синагога, кладбище. Остальные жители – белорусы, поляки, литовцы. С началом оккупации немцы стали проводить свою расовую политику, направленную на уничтожение евреев. В конце сентября 1941 года они создали гетто, откуда узников постепенно переправляли в лагерь смерти Панеряй на территории Литвы.

Гетто и стратегически важный мост через Вилию охраняла рота из состава 257-го полицейского батальона. Полицаями были добровольцы, но офицерами – немцы. Немцем был и комендант лагеря – хромой офицер Август Гизи – человек чрезвычайно жестокий, настоящий садист.

Казимир Равданович хорошо помнит еврейское гетто и коменданта: «Гизи любил прогуливаться по улицам Михалишек с плетью в руке и с овчаркой по кличке Лида. Разговаривать с людьми он не умел и большей частью кричал что-то по-немецки или разговаривал на ломаном немецко-польском языке. Однажды остановился возле

старика Матвея Бразевича, который сидел на скамейке возле своего дома. Бразевич был наполовину парализован, плохо понимал речь и еще хуже говорил. Гизи спросил его, какие солдаты лучше – русские или немецкие? Бразевич сделал отрицательный жест рукой – дескать, не понимаю. Гизи понял этот жест, как «отвяжись». Это его разозлило, и он натравил на Бразевича свою собаку. Пока та рвала несчастного старика, комендант стоял рядом и хохотал. Все это я видел, прячась возле дома в кустах сирени.

Однако не зря говорят, что Бог шельму метит: Гизи пришлось поплатиться за свои зверства. Спустя несколько месяцев его и собаку нашли мертвыми на берегу Вилии возле хутора Бжеги, недалеко от места, где сейчас стоит больница. Здесь река делает излучину, и часто утопленников выносило на берег именно в этом месте. Что случилось со свирепым комендантом, никто точно не знал. Возможно, он утонул, но жители уверенно говорили, что с ним расправились партизаны. Как бы то ни было, но за смерть Гизи жители Михалишек наказания не понесли. Обычно же за убийство своего солдата или офицера немцы расстреливали от 150 до 300 заложников из числа местного населения.

Равданович вспоминает: «Партизан под Михалишками было довольно много. Иногда они по ночам

приходили к местным жителям и просили еды или что-нибудь из одежды. Как-то ночью разгорелась ожесточенная перестрелка возле моста через Вилию. *(Речь, очевидно, идет о нападении на мост 1 июня 1942 года партизанской группы Бородича из отряда имени Пархоменко. – Прим. И.У.).*

Немцам и полициям, видимо, приходилось очень туго – скоро им на подмогу подошли два танка. Они стояли в районе нынешнего Дома культуры и периодически стреляли из орудий. Иногда после этого обстрела загорался лес. Скорее всего, это был профилактический обстрел, который должен был отпугивать партизан. Некоторые жители думали, что так немцы салютуют в честь своих побед на Восточном фронте.

Однако партизан сдержать не удавалось. Равданович вспоминает о засаде, сделанной народными мстителями по дороге из Михалишек на Кобыльники. Под Бабичами партизаны сделали завал из берез. Когда немцы подошли к нему, из леса был открыт сильный огонь.

Немцы отошли на Михалишки, а затем согнали на расчистку завала людей с подводами из соседних деревень – Бабичей, Сорочья и Лосей. Во время разборки завала в нем взорвались заложенные мины. Пострадали люди и лошади. Впоследствии Равданович видел на базаре людей с перевязанными, почерневшими от взрывов лицами.

Немцы угоняли людей в Германию. В апреле 1943 года они и полицаи на мотоциклах окружили деревню, началась облава. Всего было схвачено восемнадцать молодых парней и девушек. Их на автомашине отправили сначала в Луцки, а затем в Свирь и, наконец, на железнодорожную станцию в Лынтупы. Оттуда – прямая дорога в Германию.

«До сих пор тяжело вспоминать то время», – пишет Казимир Равданович.

Игорь Устименко

Спісы расстраляных, павешаных, закатаваных, забраных у нямецкую няволю жыхароў мястэчка Міхалішкі

Адной з трагічных старонак гісторыі акупацыі Астравеччыны ў гады Вялікай Айчыннай вайны з'яўлецца генацыд яўрэйскага насельніцтва, якое фашысты, гэтак жа як і славян, лічылі непаўнацэннай нацыяй. У буйных вёсках раёна для іх утрымання былі створаны гета, вязні якіх або знішчаліся на месцы, або адпраўляліся ў лагер смерці Панары пад Вільняй. Цяпер тут стаяць помнікі журбы, якія нагадваюць аб тым далёкім мінулым. Адзінае, што застаецца пакуль невядомым – гэта імёны загінуўшых. Хто яны былі? Дзе знайшлі свій апошні прытулак? Дзякуючы перапісцы краязнаўчага музея Міхалішкаўскай сярэдняй школы з расійскімі архівамі, на некаторыя з гэтых пытанняў можна даць адказ.

...Красавік 1945 года. Далёка на захадзе яшчэ ідзе вайна, савецкія войскі дабіваюць ворага ў асаджаным Берліне. А ў напаўразбураныя Міхалішкі прыязджае аператыўны супрацоўнік Астравецкага раённага аддзела НКДБ Маладзечанскай вобласці малодшы лейтэнант Н. Сітнікаў.

Страшнае відовішча ўяўляла тады вёска. Большая яе частка была разбурана і выгарэла ў выніку налётаў нямецкай

авіяцыі ў ліпені 1944 года. Разбіты бомбамі дах касцёла быў пакрыты саломай, жыхары, як маглі, аднаўлялі сваё жылло, знайшоўшы прытулак у лазнях, хлявах і выкапаных зямлянках.

Малодшы лейтэнант размясціўся ў драўляным будынку вясковай школы і прыступіў да апытання мясцовых жыхароў. У першую чаргу яго цікавіла дзейнасць немцаў і паліцаяў 257-га батальёна, нямецкіх прыспешнікаў, лёс вязняў Міхалішкаўскага гета і людзей, выгнаных у Германію. Сабраныя звесткі кадэбіст акуратна запісваў у сваю планшэтку. Вось некаторыя з запісаў: 3 паказанняў ад 13.04.1945 г. Антона Баляслававіча Масальскага, санітарнага ўпаўнаважанага мястэчка Міхалішкі:

“Падчас акупацыі ўсё яўрэйскае насельніцтва немцы выгналі з іх дамоў і размясцілі ў адведзеных дамах. Пазней яны два разы вывозілі яўрэяў. Куды – невядома. Вывозілі на вазах. Было задзейнічана па 100 і больш вазоў. Які іх далейшы лёс – не ведаю.

...У 1942 годзе немцы на матацыклах акружылі мястэчка і хутка пахапалі з дамоў дзяўчат і маладых хлопцаў, усяго 18 чалавек (у тым ліку маю дачку Масальскую Караліну). І павязлі іх у Германію. Пасля яны ўсе прысылалі з Германіі пісьмы. Пісалі, што жывуць вельмі ў цяжкіх умовах. Я пасылаў дачцы грошы, бялізну і г.д.”

3 паказанняў Алены Ежаўны Стэповіч ад 13.04.1945 г.: “Усё яўрэйскае насельніцтва нямецкія ўлады выгналі са сваіх дамоў і загналі ў спецыяльна адведзеныя памяшканні. Потым пачалі вывозіць іх з Міхалішак. Не ведаю, куды. За імі прязджалі два або тры разы на 100 ці, можа, 95 вазах. Яўрэі выязджалі цэлымі сем’ямі, з хатняй маёмасцю. ...Немцы лавілі моладзь і вывозілі яе ў Германію. Я ведаю 14 чалавек з мястэчка Міхалішкі, якіх вывезлі ў Германію”. 3 паказанняў дырэктара Міхалішкаўскай няпоўнай сярэдняй школы Уладзіміра Фёдаравіча Маслоўскага:

“У 1941 годзе падчас нямецкай акупацыі немцы наклалі на яўрэйскае насельніцтва кантрыбуцыю і ўсё каштоўнае забралі. Затым у пачатку 1942 года на яўрэяў была накладзена другая кантрыбуцыя, таксама былі забраны каштоўнасці. Зімой 1942 года ў яўрэяў немцы бралі цёплую адзежу, валёнкі, футры і г.д. Летам 1942 года немцы забралі ў іх мэблю і хатнія рэчы і завезлі іх у свае казармы і ўстановы. Пры адступленні немцаў у 1944 годзе было спалена пры бамбардзіроўцы 99 будынкаў з надворнымі пабудовамі ў мястэчку Міхалішкі. Разам з тым немцы адбіралі каштоўнасці і маёмасць і (адбывалася) спаленне будынкаў, адбіралі жывёлу і ўганялі людзей у рабства”. З паказанняў Лены Станіславаўны Навіцкай, загадчыцы пошты:

“Падчас акупацыі ўсё яўрэйскае насельніцтва само перадавала сваю маёмасць па вёсках, таму што становішча іх было дрэннае. І яны жылі толькі на атрыманыя ад продажу сваіх рэчаў грошы. Акрамя таго, у багатых яўрэяў немцы забіралі маёмасць для сваіх кватэр і ўстановаў.”

Пераважная большасць у спісе ахвяр – яўрэі, але ёсць і сем палякаў. З іх шасцёра мужчын – Валянцін Базюк, Янон Мешкель, Антон Пазлевіч, Віктар Пазлевіч, Фелікс Сямашка, Станіслаў Сямашка і адна жанчына – Петра Стаім. Зрэшты, вызначэнне “паляк” цалкам умоўнае. І нямецкія, і савецкія ўлады часта адносілі да палякаў беларусаў каталіцкага веравызнання. Чаму гэтыя людзі трапілі ў спіс

расстреляных?

Дзеля дакладнасці неабходна адзначыць, што не ўсе пералічаныя ў спісе сапраўды загінулі. Удалося выжыць пекару Крэскіну Ноэлю Арнэлевічу. Падчас расстрэлу ён за імгненне да залпу паваліўся на зямлю, і гэта яго ўратавала. Ноччу яму ўдалося выбрацца з-пад груды мёртвых цел і схавацца ў лесе.

У спісе загінуўшых значыцца і гандляр Рыгор Сарахам. Аднак, па ўспамінах мясцовых жыхароў, Сарах падчас транспарціроўкі ў Панары ўцёк з-пад канвою недзе каля Катлоўкі. Зрэшты, магчыма, што гаворка ідзе пра яго сваяка альбо пра чалавека з аднолькавым прозвішчам. Па ўспамінах Эстэр Кац, з усіх жыхароў Міхалішак яўрэйскага паходжання ацалела 82 чалавекі. Уцекачы часцей за ўсё хаваліся ў лясках. Бязрадасным было вяртанне ацалелых вязняў у Міхалішкі. Ад мястэчка з-за пажараў і бамбёжак засталася няшмат. Мясцовае насельніцтва галадала. У лясках было поўна бандытаў. У такой сітуацыі 20 студзеня 1945 года былі забіты Іцхак Кац, Двора Клор і Хайм Стэрнбліц. Памяць пра ахвяры генацыду працягвае жыць. У 2009 годзе ў Міхалішках быў устаноўлены помнік ў выглядзе каменнай стэлы з сямісвечнікам-мянорай і надпісам на трох мовах: “Ахвярам фашызму. Тут у 1944 годзе былі зверска закатаваны 158 яўрэяў Астравецкага раёна”. Магчыма, з часам тут будзе ўстаноўлена і памятная табліца з імёнамі загінуўшых.

Ігар Усціменка

Пайменны спіс расстреляных, павешаных, закатаваных жыхароў мястэчка Міхалішкі, Астравецкага раёна Маладзечанскай вобласці

1. Абрамовіч Абрам Лейбавіч (1884, аптэкар).
2. Абрамовіч Авігдор (1880, шкляр).
3. Алай Моўша (1875, мяснік).

4. Альпяровіч Копель (1915, пекар).
5. Альпяровіч Нісель (1884, загадчык рэстарана [?]).
6. Арэнштэйн Хая Іцкаўна (1890, гандлярка).
7. Арановіч Вульф (1900, скарняк).
8. Арановіч Залман (1875, скарняк).
9. Бадхан Янкель Арапавіч (1894, гандляр).
10. Базюк Валянцін Казіміравіч (1919, паляк).
11. Батхан Арон (1875, гандляр).
12. Белаводскі Лазар (1900, гандляр).
13. Бенцман Залман (1875, гандляр).
14. Бенцман Хама Меераўна (1912, гандлярка).
15. Бляхер Эстэр (1880, гандлярка).
16. Бляхер Улер (1864, хатні гаспадар).
17. Буколь Шымель (1905, рамізнік).
18. Вайнер Рая Моўшаўна (1885, аптэкарка).
19. Вітэнберг Хама Бярэлеўна (1904, гандлярка).
20. Вайнштэйн Бетамін Хаймавіч (1904, цырульнік).
21. Вінштэйн Тайба (1884, гандлярка).
22. Вайнштэйн Зусель Хаімавіч (1895, каваль).
23. Вайнштэйн Рубін Беркавіч (1885, гандляр).
24. Войтел Арон (1900, рамізнік).
25. Войтэр Нахама (1884, хатняя гаспадыня).
26. Высокі Абрам (1884, вартаўнік).
27. Вэйнер Хема (1890, гандлярка).
28. Гавісер Лейба Абрамовіч (1902, млынар).
29. Гавісер Моўша (1894, млынар).
30. Гальперын Абрам (1890, шавец).
31. Гарфейн Эммануіл (1892, урач).
32. Гейшоцер Давід Абрамовіч (1904, рамізнік).
33. Гендэль Залман (1884, гандляр).
34. Гервіш Хана (1890, гандлярка).
35. Гершатэр Абрам (1890, гандляр).
36. Гершатр Бен'ямін Моўшавіч (1895, гандляр).
37. Гершатр Герыя (1900, гандляр).
38. Гершатр Гірш (1885, рамізнік).

39. Гершатр Хана (1890, хатняя гаспадыня)
40. Гершатр Хая (1900, хатняя гаспадыня).
41. Гершатр Юдэль (1875, вартаўнік).
42. Гершэвіч Іцэк (1922, каваль).
43. Гершэвіч Моўша (1880, каваль).
44. Гіяцкі Меер (1884, гантоўшчык).
45. Габштэйн Бася (1884, хатняя гаспадыня).
46. Гайштэн Рыгор (1875, рамізнік).
47. Гайштэн Рахніль Лейбаўна (1910, краўчыха).
48. Гольберг Эфраім (1890, рэзнік).
49. Горбер Абрам Хаймавіч (1904, гандляр).
50. Горш Абрам Арамавіч (1900, шкляр).
51. Градзінская Бася Апераўна (1910, хатняя гаспадыня).
52. Губескі Абрам Аронавіч (1890, майстар па рамонту гадзіннікаў).
53. Губескі Шмуель (1880, гандляр).
54. Гурвіч Абрам Міцелевіч (1900, шавец).
55. Гурвіч Звувль Наханавіч (1905, цагляр).
56. Гурвіч Лейба Абрамавіч (1882, шкляр).
57. Гурвіч Моўша (1875, рамізнік).
58. Гурвіч Рубін Абрамавіч (1884, нарыхтоўшчык).
59. Гурвіч Шамон Наханавіч (1900, цагельшчык).
60. Гурвіч Швель Наханавіч (1898, цагельшчык).
61. Дзейч Фейга Абрамаўна (1900, хатняя гаспадыня).
62. Жэнкер Давід (1892, кравец).
63. Жэнюк Берэль (1897, рэзнік).
64. Жэнюк Давід (1919, рамізнік).
65. Зарэцкі Янкель Пільхавіч (1892, гандляр).
66. Зістэльман Моўша Ізраілевіч (1900, мяснік).
67. Івантэр Ілля (1884, рамізнік).
68. Іоэль Гірш Ізраілевіч (1904, земляроб).
69. Іоэль Давід Ізраілевіч (1895, гандляр).
70. Іоэль Ізраіль (1880, гандляр).
71. Кагановіч Капель Хаімавіч (1890, бляхар).
72. Каплановіч Іосіф Аплевіч (1880, земляроб).

73. Каплановіч Рубін Абелевіч (1890, земляроб).
74. Каплер Аба (1890, пякарка).
75. Кармель Хаім Абрамавіч (1900, рамізнік).
76. Катлер Ізраіль Моўшавіч (1906, пекар).
77. Кац Рыва (1910, хатняя гаспадыня).
78. Кац Рыва Рубінаўна (1915, гандлярка).
79. Кац Шэнцель (1900, рамізнік).
80. Качэльнік Фанвель (1890, муляр).
82. Кельмановіч Шмуіл (1909, млынар).
83. Клер Ліпа (1890, пякарка).
84. Карпель Абрам Саламонавіч (1890, рамізнік).
85. Крэскін Наях Арнелевіч (1894, пекар).
86. Крадзенская Хая (1905, хатняя гаспадыня).
87. Кульбек Якаў (1890, мяснік).
88. Куперштэйн Гірша (1890, рэзнік).
89. Курыцкі Меер (1900, каваль).
90. Курыцкі Шмуіль (1890, шкляр)
91. Лапідус Рыгор (1900, рамізнік).
92. Лапідус Іцэк (1905, рамізнік).
93. Лапідус Якаў (1904, рамізнік).
94. Левін Бен'ямін (1885, гандляр).
95. Левін Даніель (1904, гандляр).
96. Левін Зусель Моўшавіч (1904, гандляр).
97. Левін Лейба (1884, земляроб).
98. Левін Фатвель (1900, рымар).
99. Левін Шэнцэль Моўшавіч (1895, гандляр).
100. Левітан Малка (1884, хатняя гаспадыня).
101. Лекеа Сара (1915, хатняя гаспадыня).
102. Леаданскі Аўсей Бенцэвіч (1890, гандляр).
103. Ліпкоўскі Рыгор (1884, цырульнік).
104. Лапук Давід (1875, капялюшнік).
105. Людомскі Бенцэль Шмуїлавіч (1885, пекар).
106. Мац Берка (1899, гандлярка).
107. Мелер Лейба (1884, земляроб).
108. Мельцэр Іханон (1880, гандляр).

109. Мешкель Зянон (-, паляк, жыхар в.Малі).
110. Нахільсон Моўша (1900, рамізнік).
111. Паташнік Іосіф (1900, вартаўнік).
112. Пазлевіч Антон Іванавіч (1907, паляк, жыхар в.Малі).
113. Пазлевіч Віктар Вікенцьевіч (__, паляк, жыхар в.Малі).
114. Палінскі Іцэк (1895, каваль).
115. Работнік Міццэль (1884, капялюшнік).
116. Рагаўская Хася Аронаўна (1895, пекар).
117. Рыльшнед Рыгор (1880, гандляр).
118. Рыльшнед Даніель Рыгоровіч (1990, гандляр).
119. Разенберг Іцэк (1894, гандляр).
120. Райфер Якаў Давідавіч (1910, настаўнік).
121. Сарахам Рыгор (1880, гандляр).
122. Свірская Іеўна Рафаілаўна (1904, земляроб).
123. Свірскі Авелій Рафаілавіч (1895, гандляр).
124. Свірскі Давід (1875, гандляр).
125. Свірская Зусель Юдзелеўна (1885, рамізніца).
126. Свірскі Іезек Рафаілавіч (1897, гандляр).
127. Свірскі Іосіф Давідавіч (1890, земляроб).
128. Свірскі Шавель Рафалавіч (1895, земляроб).
129. Сямашка Станіслаў Феліксавіч (1921, паляк, -).
130. Сімановіч Аба (1904, земляроб).
131. Сімашка Фелікс Станіслававіч (1919, паляк, рабочы).
132. Сарыцкі Абрам (1900, рымар).
133. Стаім Леанарда Пет. Казіміраўна (1910, полька).
134. Стрыпунскі Ківель Рамалавіч (1892, гандляр).
135. Табаховіч Берэль (1895, гандляр).
136. Тызаўдзізна Хана (1884, гаспадыня).
137. Толуб Моўша (1900, гандляр).
138. Трыус Іосіф Мейеровіч (1895, гандляр).
139. Фенштэр Манаш (1900, шавец).
140. Фрадкін Мендзель (1882, кравец).
141. Хідэкель Мендаль (1900, пісар).
142. Ходаш Кумфман Лейбавіч (1895, гандляр).

143. Ходаш Мотэль Мінашэнавіч (1895, гандляр).
144. Ходаш Нахман (1884, земляроб).
145. Ходаш Якаў (1895, настаўнік).
146. Шафер Афель (1900, каваль).
147. Шафер Іцель (1884, гандляр).
148. Шапіра Самуіл (1890, рымар).
149. Шмідт Давід (1900. назву спецыяльнасці немагчыма прачытаць).
150. Шмідт Шлема (1890, гандляр).
151. Шмуклек Моўша (1904, гандляр).
152. Шцэрнблік Рахель (1900, гандлярка).
153. Эвельчык Берэнс (1880, гандляр).
154. Эйншыньскі Шлема Іўкавіч (1885, гандляр).
155. Экман Берль (1900, гандляр).
156. Эльтух Моўша (1875, кравец).
157. Энцін Рыгор (1880, равін).
158. Янкезевіч Хана (1900, гаспадыня).

Крыніца: Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (ДАРФ, Масква), фонд 7021, вопіс 93, справа 11, лісты 4а – 9.

Рукапісны арыгінал на друкарскім бланку.

Дакумент выяўлены і апрацаваны ў 2010г. К.Б.

Стральбіцкім (Масква, Расійская Федэрацыя).

Пайменны спіс грамадзян, забраных у нямецкую няволю з Міхалішкаўскага сельсавета, Астравецкага раёна Маладзечанскай вобласці.

1. Базлюк Міхаіл (--).
2. Барбуль Браніслава Іванаўна (-).
3. Вайцюховіч Феля Францаўна (1914)
4. Гайдуковіч Алена Вікенцьеўна (1909).
5. Гурская Ядвіга Калпакаўна (1913).
6. Лаздоўская Караліна Антонаўна (1912).
7. Маслоўская Караліна Антонаўна (1925).
8. Маўчан Адэля Селівестраўна (1899)
10. Раўдановіч Іосіф Вікенцьевіч (1908).
11. Раўдановіч Караліна Іосіфаўна (1914).

12. Салавей Ганна Канстанцінаўна (1930).
13. Салавей Марыя Канстанцінаўна (1914).
14. Скаржынская Ганна Іосіфаўна (1928).
15. Стацкело Анілія (1916).
16. Харкевіч Антон Ягоравіч (-).
17. Штура Іван Міхайлавіч (1913).
18. Штура Юзэфа Францаўна (1915).

Ва ўсіх, акрамя Харкевіча, указана нацыянальнасць “паляк”, “земляроб”.

Крыніца: Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (ДАРФ, Масква), фонд 7021, вопіс 93, справа 11, ліст 72. Рукапісны арыгінал на друкарскім бланку.

Дакумент выяўлены і апрацаваны ў 2010 г. К.Б. Стральбіцкім (Масква. Расійская Федэрацыя).

У могілы расстрелянных в годы войны цыган прошёл митинг

Недалеко от деревни Дайновки есть братская могила – в ней покоятся расстрелянные в годы Великой Отечественной войны цыгане.

– В марте 2021 года генеральным прокурором Республики Беларусь возбуждено уголовное дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время. Расследование ведётся и на Островецшине, – напомнил собравшимся на митинг заместитель прокурора района Александр Лях. – Так, были установлены факты гибели мирных жителей в урочище

Стрипишки, в деревне Быстрица, агрогородках Михалишки и Ворняны.

По сведениям, собранным прокуратурой, цыганский табор расстреляли в 1941 году.

– Информация поступила от учителя истории местной школы, который рассказал, что в начале войны возле Дайновки было убито около 20-30 граждан цыганской национальности. Мы изучили имеющиеся документы и записи в музее школы, из которых узнали, что немецкий гарнизон согнал сюда табор цыган. Мужчин и подростков заставили копать могилу, после чего всех расстреляли, – рассказал Александр Лях.

К сожалению, свидетелей этой трагедии уже нет в живых, но прокуратурой собраны все документы и информация передана в райвоенкомат, а место захоронения включено в план поисковых мероприятий.

Во время митинга у могилы установили табличку «Память. Единство. Победа», которая будет напоминать о мирных людях, погибших здесь в годы Великой Отечественной войны.

– Человек любой национальности, проживающий на территории Республики Беларусь, – её гражданин. Во время войны фашисты занимались не только этноцидом цыган или евреев. Пострадал весь белорусский народ. Практически во всех семьях остались печальные кровавые следы войны. И поэтому сегодня мы говорим о геноциде белорусского народа в целом, – отметил заместитель председателя райисполкома Геннадий Бычко.

Память погибших участники пробега почтили минутой молчания, возложили к могиле цветы и поставили свечи.

Текст: **Елена Ярошевич**

Геноцид на Островецчине: о выявленных фактах рассказывает прокурор района Алексей Томченко

22 июня – День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа
Прокуратура продолжает работу по установлению и документированию фактов

геноцида на территории Островецкого района в рамках расследования уголовного дела, возбуждённого Генеральным прокурором Республики Беларусь.

О том, что сделано в районе, как проходит расследование и какие факты удалось восстановить, рассказал прокурор района Алексей Томченко.

– Как организована работа по изучению и расследованию фактов геноцида населения в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период в нашем районе?

– Создана рабочая группа, в состав которой вошли прокурорские работники, представители местных органов власти и самоуправления, Островецкого РОВД и РОСК, военкомата, общественных объединений, редакции районной газеты, учреждений культуры и образования района.

Информация о любых выявленных фактах геноцида поступает в прокуратуру района для проведения следственных действий и их проверки.

– Что-то уже удалось сделать?

– Установлены места расстрела и захоронения нацистами и их пособниками узников еврейского гетто в деревне Быстрице, допрошены очевидцы тех событий, а также граждане, которые знали об этом от своих родителей.

Из показаний свидетелей установлено, что некоторым узникам гетто удалось спастись с помощью местных жителей. Например, смогли спрятаться и выжить трое еврейских детей, а вот их родители были убиты палачами. Установлена информация о нахождении в годы немецко-фашистской оккупации гетто в агрогородке Ворняны, а также о расстреле двух мирных граждан в этом населённом пункте.

Также сегодня изучаются архивные уголовные дела в отношении пособников немецко-фашистских оккупантов, добровольно поступивших на службу в полицию.

Из материалов одного из таких дел, расследованного органами госбезопасности в конце сороковых годов, в ходе изучения протоколов допросов обвиняемого и свидетелей получена информация о расстреле 15 мирных граждан, совершивших попытку побега из гетто в агрогородке Михалишки.

В ходе расследования уголовного дела установлен свидетель тех событий – старожил деревни Михалишки, который рассказал, что знал о расстрелах еврейского населения. В те годы он был ребёнком и вместе с другими детьми ходил собирать оставшиеся на этом месте гильзы. Этот человек показал места, где находилось гетто, и где были захоронены казнённые люди.

– Можно ли уже говорить о каких-то цифрах, установленных в ходе расследования?

– В районе установлено 8 мест убийств мирных граждан, в том числе 5 ранее не паспортизированных, произведены их осмотры. Также определены места принудительного содержания евреев на территории района – гетто, которые располагались в Островце, Ворнянах, Михалишках, Кемелишках, Быстрице.

ВАЖНО:

На территории Островецкого района имеется три паспортизированных захоронения мирных граждан:

– **агрогородок Кемелишки** – захоронение 500 расстрелянных евреев, установочных данных погибших не имеется;

– **деревня Барани** – захоронение 12 расстрелянных евреев, установочных данных погибших не имеется;

– **деревня Жукойни** – одиночная могила убитого немецко-фашистскими захватчиками Константина Гимбицкого.

Получена информация о пяти, ранее не паспортизированных захоронениях:

– **урочище Стрипишки** вблизи озера Подмядино (около белорусско-литовской границы), где в годы Великой Отечественной войны проживали старoverы. Здесь 22 августа 1942 года расстреляно 22 жителя старoverческих хуторов;

– **участок местности около детского оздоровительного лагеря «Ласточка» (д. Дайновка)**, где в 1941 году расстреляно около 20-30 цыган;

– **деревня Быстрица**. Здесь в 1941 году вблизи реки Вилии расстреляно около 20 мирных граждан еврейской национальности, которых захоронили на месте расстрела;

– **деревня Михалишки**, где расстреляно около 15 мирных граждан еврейской национальности, совершивших попытку побега из гетто;

– **агрогородок Ворняны**, где были расстреляны двое мирных граждан.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Гетто и расстрелы евреев в Михалишках

Житель агрогородка Михалишки 1936 г.р. рассказал, что в годы войны на улице Свиранской располагалось гетто. Также он знает про факты расстрелов евреев около старого еврейского кладбища в Михалишках, где тела погибших были и захоронены.

Расстрел старoverов в урочище Стрипишки

Бывший председатель Подольского сельского Совета рассказал, что в 1973 году от местных жителей-старoverов

узнал о расстреле 22 молодых людей в возрасте 18-22 лет, проживавших на староверческих хуторах. Расстрел производила группа в составе 8 человек, 4 из которых были немцы, 4 – прибалты (предположительно, литовцы). Подразделение, в котором они служили, неизвестно.

Дата расстрела мирных жителей – 22 августа 1942 года.

На месте расстрела установили бетонный знак с табличкой.

Расстрел и захоронение мирных цыган около д. Дайновки

Бывший учитель истории Лошской базовой школы о факте убийства людей национальности рома узнал от местной, ныне покойной, жительницы.

Примерно в 2005 году педагогами и учениками школы указанное место было огорожено деревянным забором и установлен деревянный крест.

Гетто и расстрел мирных граждан в Ворнянах

Бывший школьный библиотекарь собирал краеведческий материал об истории Ворнян в годы Великой Отечественной войны. В ходе работы, общаясь со старожилом деревни, узнал о находившемся в годы войны гетто и расстреле оккупантами двух мирных жителей – Гейба из Загази и Сыса из Чернишек, которые были захоронены на месте, где теперь расположена православная церковь в Ворнянах.

Текст: Елена Ярошевич

Узницы концлагерей Нина Маргуж и Нина Милидович рассказали школьникам свои истории

11 апреля – Международный день освобождения узников фашистских лагерей

Пройти через войну

Война не щадила ни детей, ни стариков, ни женщин, ни мужчин – люди погибали независимо от возраста, пола, национальности...

Особенно много пострадало в лагерях смерти, которые нацисты создавали в разных странах. Концентрационные лагеря были и в Беларуси. «Тростенец», Минское гетто, «Озаричи», «Красный Берег»... – только в нашей стране в лагерях смерти умерло свыше 1,4 миллиона человек.

Сегодня на Островецчине ещё живут люди, которые об этом знают не понаслышке. Им пришлось пройти через голод и холод, боль и ужас войны. В районе осталось 6 узников концентрационных лагерей – Татьяна Никифоровна Волкова, Нина Адамовна Маргуж, Нина Илларионовна Милидович, Галина Никитична Петрик, София Терентьевна Полуян и Евдокия Григорьевна Сигалёва. Двое из них стали участниками круглого стола и концертного мероприятия в память об освобождении узников фашистских лагерей, которые прошли в средней школе №3.

Взрослые и дети, затаив дыхание, слушали воспоминания Нины Адамовны Маргуж и Нины Илларионовны Милидович. Женщинам тяжело было

вспоминать прошлое, но и забыть его не получается.

Три родины Нины Маргуж

– Война принесла горе всему Советскому Союзу. Одни работали в тылу, строили фабрики и заводы, чтобы делать оружие, другие воевали на фронтах и в партизанских отрядах. По фильмам и памятникам, которые установлены практически в каждом населённом пункте, вы можете судить, сколько людей погибло, – и этого нельзя забывать, – считает Нина Адамовна. – Приближается памятный день: 80 лет со дня начала войны. Это ужасная дата. В то время мне был год три месяца и две недели. Отец воевал на Финской войне,

затем – на Великой Отечественной, потом – на Дальнем Востоке и домой вернулся только в 1947 году.

Нина Адамовна родилась в Ленинградской области. С первых дней войны фашисты стали бомбить северную столицу.

– Они бросали бомбы на города и деревни, жители уходили в леса, рыли землянки – в них и жили. Условия были ужасные – костёр не разведёшь, потому что для немецких самолётов это был сигнал. Высушить пелёнки тоже было негде. Их мама сушила на себе. Ей было всего 30, а нас у неё было четверо, да ещё и разница в возрасте небольшая, – вспоминает рассказы матери Нина Адамовна.

Когда немцы приблизились к Ленинграду, еды у людей уже практически не было – приходилось выходить в город, чтобы обменять оставшиеся пожитки на кусок хлеба. В один из таких походов бабушка Нины и ещё несколько её земляков, возвращаясь в лес, подорвались.

– А потом фашисты обнаружили нас. Под дулом автоматов в сопровождении собак привели в деревню. Построили всех в ряд и дали приказ расстрелять – кричали дети и взрослые... Но мы уцелели – нас не расстреляли, зато пешком отправили в Эстонию в концентрационный лагерь, – говорит Нина Маргуж.

Проволочный забор высотой около четырёх метров, по периметру – солдаты с автоматами. Первое время еду узникам подбрасывали местные жители, потом это делать запретили под страхом смерти.

– Мама очень переживала за меня – я была самая маленькая, а у неё пропало молоко, – рассказывает Нина Адамовна. – Найдёт сухарик, завяжет в кусочек ткани – и, как соску, мне в рот.

В концлагере был организован детский кровосбор для немецких солдат – в число таких доноров попала и Нина с братом Толей.

– Меня мама спасла, а вернулась за Толей – он был уже мёртвый. В чём виноват мальчишка, которому было всего четыре? – который год задаёт себе вопрос Нина Адамовна, но так и не находит на него ответа.

Потом узников отправили в Финляндию. Из десятка кораблей, до суши добрался только один – семье Нины Адамовны посчастливилось оказаться на его борту. Только было ли это счастьем? Конечно, было: они остались живы.

– Жили мы в большом бараке без отопления, зато была крыша над головой. Нас, как пленную рабочую силу, забрал фермер. Я помню, как бегала по его двору, мои братья пасли коней, ухаживали за ними, чистили, кормили. Однажды принесли мне горох – какой же он был вкусный! Я топала ножками, пытаюсь узнать, где он растёт, – и братья показали, в какую сторону надо идти. Мама в то время была на работах, братья заняты своими делами, и я пошла за вкуснятинкой. Но не дошла – устала и уснула в крапиве...

После освобождения семья вернулась в Ленинградскую область, потом было отселение на Псковщину и опять страшный голод...

– Сестра отца жила в Эстонии – и мы поехали к ней. Мама устроилась на железную дорогу, я жила с ней в маленькой комнатухе, одного брата забрала тётя, второй пошёл работать к помещику. Так мы и жили до 1947 года, пока не встретились с отцом, – говорит Нина Адамовна.

А потом была Карелия. Её огромнейшие скалы, на которых росли сосны, и озёра, – Нина Адамовна помнит и сегодня...

Жизнь поводила Нину Адамовну по разным странам и привела в Беларусь – которая и стала для женщины третьей Родиной.

– Я рада встретиться с молодым поколением. И я радуюсь за вас. У вас есть всё: вы обуты, сыты, вы не

знаете, что такое холод и голод. А какая у вас прекрасная школа! – говорит Нина Адамовна. – Вам остаётся только учиться и беречь мир на нашей земле!

Хлеб – это святое

– Войну я не помню. Родилась в 1944 году в немецком плену, – рассказывает **Нина Илларионовна Милидович**. – Ещё до начала Великой Отечественной мама переехала из Витебской области, где она родилась, в Донецкую. Работала на шахте: возила уголь на вагонетках. Там же мама познакомилась с отцом. Они поженились, а потом началась война.

Молодую семью отправили на работы в Германию – они попали в концлагерь на границе с Францией.

– Это огромное счастье, что вы, сегодняшние дети, о войне знаете лишь из рассказов людей старшего поколения, из фильмов, вам говорят об этом во время посещения музеев и таких мемориалов, как Хатынь. Но это надо помнить, обязательно, – считает Нина Илларионовна. – Мои родители жили и работали в ужасных условиях. Маме, если так можно сказать, посчастливилось: она была беременная мной и её отправили работать на кухню.

– Лагерь был международный – в нём были пленные из многих стран. Мама вместе с группой женщин выносила из подвала в корзинах свёклу и картофель. Овощи были мёрзлые, но пока женщины их несли, потихоньку грызли – есть что-то надо было. Голод был страшный. Кормили супом из мёрзлой картошки и свёклы, заправленным маргарином с червями. Есть такую бурду было невозможно. А если не ели – значит, и сил, чтобы работать, тоже не было. В столовой вдоль рядов стояли немецкие женщины с плётками, которые заставляли съесть порцию, – продолжает Нина Илларионовна.

В 1945 году узников освободили американские войска.

– Родители сразу же вернулись в Донецк. В 1945-47 годы в стране был страшный голод. У мамы родился ещё один ребёнок, но отец ушёл из семьи. И мы вернулись в Беларусь, – рассказывает Нина Милидович.

– Родная мамаина деревня была большой, в ней пять улиц было. Бои – страшные. Во время её освобождения погибло более 600 человек. В память об этом есть братская могила. В ней захоронены те, кто принёс нашей стране мир и покой. Их подвиг помнят – это нельзя забывать! Витебская область пострадала очень сильно. Сын бабушки, мой дядя Вася, в 17 лет пошёл в партизанский отряд, но полицаи их быстро разбили. Оставшаяся из отряда молодёжь – шесть мальчишек и одна девчонка – решила перейти линию фронта, чтоб воевать против немцев. Пришли к бабушке, переоделись, перекусили – и отправились в путь. Но прошли только 10 километров, полицаи их поймали и всех расстреляли. Даже похоронить не дали. Родственники смогли сделать это лишь тайно, ночью. Было это в январе 1942 года, – вспоминает Нина Илларионовна.

Детство детей войны – было тяжёлым, но они не унывали. В школу Нина пошла с удовольствием. Особенно нравилось ей работать на огороде – в районе девочка всегда занимала первые места по выращенному урожаю. Его учителя отправляли на выставки – и в подарок старательная ученица получала школьную форму. Её мама в то время работала на ферме – и для семьи это было хорошее подспорье.

Нина Илларионовна всю жизнь посвятила детям, как и Нина Адамовна, работала в школе. И сегодня по-доброму завидуует нынешнему поколению.

– У вас счастливое детство и счастливая жизнь. Я прошла по новой школе и была восхищена, в каких прекрасных условиях вы учитесь. И ваша основная задача – учиться на 9 и 10. Нам, кроме того, что надо было учиться,

приходилось добывать хлеб. Его цену я очень хорошо знаю. И хлеб для меня святое! Сегодня мы живём в достатке, получаем хорошую пенсию, но я никогда не сброшу со стола ни одной крошечки хлеба.

Из первых уст

Людмила Сосновская, директор СШ №3:

– Мы – поколение, которое выросло, не зная ужасов войны, но мы должны помнить то, что пережили люди военных лет, и донести до молодого поколения, что война – это горе, боль и страх. Мы должны жить в мире! Те истории, которые рассказали нам Нина Адамовна и Нина Илларионовна, произвели на детей огромное впечатление. В конференц-зале стояла полная тишина. Ребята были поражены услышанным. Такие встречи необходимы.

Ирина Шляхтун, председатель районного совета ветеранов:

– 76 лет прошло с тех пор, как прогремели победные залпы. Великую Победу ждали все. К сожалению, героев тех дней становится всё меньше. Но людей, которые освободили нас от фашизма, которые рисковали жизнью, помнят и сегодня.

В истории нашего района война тоже оставила кровавую память. Филиал лагеря «Шталаг 342» располагался в посёлке Гудогай. Здесь стоит памятник-братская могила, в которой захоронены погибшие и умершие от рук фашистов.

Текст: Елена Ярошевич

Вінцэнт Мураўскі: жывы сведка генацыду

Астравеччына была цалкам акупіравана нямецкімі войскамі ў чэрвені 1941 года. Прадоўжылася акупацыя да вызвалення, якое адбылося ў ліпені 1944-га.

Адначасова з акупацыяй нацысты і іх памагатыя – літоўскія і латышскія паліцаі – пачалі знішчаць яўрэяў. Па паказаннях сведкаў тых падзей, занатаваных у раённай кнізе «Памяць», за іх выдачу ці звесткі пра іх знаходжанне немцы прапаноўвалі мясцовым жыхарам прэміі: цукар ці соль. У населеных пунктах, дзе яўрэяў знішчылі не адразу, фашысты стварылі гета – яны былі ў Астраўцы, Варнянах, Міхалішках, Гудагаі, Кямелішках і Быстрыцы. Людзей выганялі на цяжкія прымусовыя работы, многія вязні паміралі ад цяжкай працы і пастаяннага голаду.

Адно з такіх гета было створана ў Варнянах, дзе да пачатку вайны жыло каля 50 яўрэяў. Пасля акупацыі іх сагналі на тэрыторыю каля касцёла, якую абгарадзілі высокім плотам, абнеслі калючым дротам. У 1944 годзе яўрэяў, якія засталіся, пагналі ў Міхалішкі – тут быў зборны пункт, з яго людзей пешшу адправілі ў Вільнюс і Панары, дзе і забілі.

Нягледзячы на жорсткую палітыку генацыду, усё ж былі яўрэі, якім пашчасціла выжыць. Так, вядома, што ізраільскім мемарыяльным інстытутам «Яд Вашэм» 4 жыхары нашага раёна ўдастоены ганаровага звання «Праведнік народаў свету». Гэта Мечыслава Ракоўская, Ян Сялевіч, Станіслаў і Браніслава Вішнеўскія. Сярод іх пакуль не значыцца прозвішча Вінцэнта Мураўскага. Але, упэўнена, мужчына заслугоўвае таго, каб пра яго ўчынак помнілі.

Вінцэнт Мураўскі нарадзіўся ў вёсцы Бабраўнікі Варнянскага сельсавета. Сёння яму за 90, жыве мужчына ў Вільнюсе. Нядаўна ён вырашыў падзяліцца гісторыяй свайго дзяцінства, якое прыпала на гады Вялікай Айчыннай вайны.

– Калі ў Бабраўнікі прыйшлі немцы, мне было гадоў 9. Акупанты размясціліся ў школе.

А ў Варнянах было гета. Там шмат яўрэяў сабралі. Фашысты з імі не чыкаліся: адпраўлялі на работы, дарожкі яны рабілі, прыбіралі. А калі што не так – у машыну і везлі на Вільнюс. Што было з імі далей, невядома. У яўрэяў мой бацька працаваў да вайны мясніком, таму мяне іх дзеці ведалі, я гуляў з імі і нават трохі на іх мове мог гаварыць.

Калі ў гета ў адной жанчыны нарадзілася дзіця, мы вырашылі яго выратаваць. Хітра зрабілі: бацькі далі мне сумачку, і я пайшоў на тэрыторыю гета. Немцы мяне не чапалі. Маці завярнула дзіця ў анучку, паклала ў сумку, і я панёс яго праз дарогу – туды, куды мне сказалі. А там ужо чакала родзічка па маёй маці, у якой сваё дзіцятка памерла – яна і забрала немаўлятка. Яна яго гадала да 5 гадоў. Пасля вайны я бачыў гэтае дзіця. Яго адправілі ў Вільнюс, а потым яно далей паехала. Ён не хацеў ад’язджаць, але родзічы ўгаварылі. Паказалі яму мяне, сказалі, што я выратаваў яму жыццё. Пазней ён прыязджаў, праўда, дзе цяпер, я не ведаю. Маці дзіцяці разумела, што толькі перадаўшы немаўля з гета, хай і чужым людзям, магла выратаваць яму жыццё. Яна адчувала, што яго чакаў расстрэл. ... Не раз падчас вайны бацька рызыкаваў сваім жыццём – і мне тлумачыў: калі немцы правераць – расстраляюць і мяне, і цябе. Але нам пашанцавала – мы засталіся жывыя. Разам з бацькам ездзілі на кані, куплялі прадукты і адвозілі іх нейкім людзям, не раз іх суправаджалі. Канешне, бацька не расказваў, што гэта за людзі. Пазней я даведаўся, што гэта былі камандзіры Чырвонай арміі. Я выконваў усё, што гаварыў бацька. Аднойчы ён адправіў мяне ў размяшчэнне немцаў, я не раз там быў, часам есці прасіў, і яны да мяне ўжо прывыклі. Мая задача была палічыць, колькі машын і гармат у іх ёсць. Рабіў я гэта на пальцах. І аднойчы рук не хапіла – я нахіліўся, каб палічыць пальцы на нагах, а немец ззаду так штурхануў нагой, што я

страціў прытомнасць.
... Ад жонкі, якая родам была з Міхалішак, ведаю яшчэ адну гісторыю пра выратаванне яўрэяў. У іх вёсцы быў яўрэй, які добра лячыў людзей. Немцы гналі бедакоў у Вільнюс на падводах. Сям'я таго чалавека якраз ехала на кані майго дзеда. Конь быў вивучаны: калі яму ўдарыць вітачкай па каленах, разганяўся. Так той яўрэй і зрабіў. Конь паскакаў, падводу разнесла – і людзі змаглі схавацца ў лесе. Немцы іх не знайшлі. Пасля вызвалення гэтыя яўрэі прыязджалі ў Міхалішкі, дзякавалі за выратаванне.
Гэта толькі невялікія ўрывачкі ўспамінаў Вінцэнта Мураўскага, але і яны сведчаць пра жорсткасць немцаў, якіх нічога, нават плач дзіцяці, не магло спыніць. І варта пра гэта ведаць і памятаць.

Текст: Елена Ярошевич

Генацыд: у Астравецкім раёне ўстаноўлены два месцы расстрэлу мірных жыхароў

Тое, што ў гады Другой сусветнай вайны немцы масава знішчалі яўрэяў, ведаюць амаль усе. Па інфармацыі, якую атрымалася адшукаць у інтэрнэце, у нашым раёне было створана 6 гета – у Кямелішках, Міхалішках Быстрыцы, Астраўцы, Варнянах і Гудагаі. Аднак ахвярамі фашызму становіліся і прадстаўнікі іншых нацыянальнасцей.

У мінулым годзе Прэзідэнт краіны Аляксандр Лукашэнка ініцыяваў расследаванне фактаў генацыду беларускага народа. Да справы падключылася Генеральная пракуратура – у красавіку была ўзбуджана крымінальная справа па факце генацыду насельніцтва краіны ў гады Вялікай Айчыннай вайны і пасляваенны перыяд. За гэты час устаноўлены дзясяткі месцаў масавых пахаванняў мірных грамадзян, знішчаных акупантамі ў ваенны час на

тэрыторыі Рэспублікі Беларусь. Адпаведная работа праводзілася і на Астравеччыне.

– У рамках расследавання крымінальнай справы, узбуджанай Генеральнай пракуратурай па факце генацыду беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны і пасляваенны перыяд, праведзена дастаткова вялікая работа. Намі выяўлены раней непаішпартызаваныя і незадакументаваныя факты забойства мірных грамадзян. Адно з пахаванняў знаходзіцца ва ўрочышчы Стрыпішкі, дзе былі расстраляны 22 мірныя жыхары стараабрадчых хутароў, – расказвае пракурор Астравецкага раёна Аляксей Тамчанок.

– У час пошукавых мерапрыемстваў у пракуратуру паступіла таксама інфармацыя аб факце забойства мірных грамадзян цыганскай нацыянальнасці – па пакаваннях былога настаўніка Лошскай базавай школы, які ў час працы займаўся пошукам інфармацыі пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны, было расстраляна каля 20-30 чалавек, – працягвае пракурор раёна. – Усе пакаванні перададзены ў Генеральную пракуратуру. Звесткі пра месцы пахаванняў накіраваны ў райвыканкам і ваенны камісарыят, якія падаюць заяўку на прыцягненне спецыялізаванага батальёну для правядзення пошукавых работ.

Як адзначыў Аляксей Тамчанок, работа па выяўленні фактаў генацыду беларускага народа на тэрыторыі раёна прадоўжыцца.

Цыганскі халакост...

Быў і такі Пра генацыд цыган размовы вядуцца не так часта, як пра генацыд яўрэяў. Хаця, як сведчаць гістарычныя факты, у «Асвенцыме» загінула больш за

23 тысячы цыган. Усяго ў нацысцкіх лагерах смерці было знішчана больш за 500 тысяч рома. Некаторыя даследчыкі лічаць, што людзей гэтай нацыянальнасці было забіта значна больш – да паўтара мільёна. Дакладныя лічбы, на жаль, сёння ўжо наўрад ці можна даведацца... У свеце 2 жніўня адзначаецца як Дзень памяці ахвяр халакосту цыган – гэтая дата, звязана з сумнымі падзеямі Другой сусветнай вайны, калі ў ноч з 2 на 3 жніўня 1944 года ў газавых камерах «Асвенцыма» нацысты знішчылі больш за 3 тысячы чалавек гэтай нацыянальнасці. ...Непадалёк ад дзіцячага аздараўленчага летніка «Ластаўка» на ўскрайку маладога лесу ёсць курганны насып – па распедах старажылаў (сёння нікога з іх ужо няма ў жывых) тут знаходзіцца магіла расстраляных у гады Вялікай Айчыннай вайны цыган. Па запісах, якія захоўваюцца ў музеі Гудагайскай сярэдняй школы, у час вайны ў адным з будынкаў на тэрыторыі сучаснага летніка размяшчаўся нямецкі гарнізон. У 1941 годзе фашысты прыгналі з наваколля цыганскі табар, які расстралялі непадалёк ад гэтага месца. «Мужчын і падлеткаў прымусілі выкапаць невялікі роў, затым вылюдкі з аўтаматаў забілі ні ў чым не вінаватых мірных людзей. Па чутках, ледзь прыкапаная магіла яшчэ некаторы час пасля ад'езду карнікаў варушылася – відаць, паміралі цяжка параненыя», – занатавана ў запісах. У першы час мясцовыя жыхары абміналі гэце месца, і толькі сабака расстралянага табару каля тыдня прыблягаў на магілу і выў. Па распедах мясцовых жыхароў сюды ж немцы прывозілі і яўрэяў, якія знаходзіліся ў Гудагайскім гета». На жаль, жывых сведкаў тых падзей не засталася. Вясной 2004 года настаўнікі і вучні Лошскай базавай школы пры падтрымцы Гудагайскага сельскага Савета ўшанавалі памяць ахвяр фашызму: тэрыторыя меркаванага пахавання была ачышчана, пастаўлены і асвечаны крыж. Праз год

вакол насыпу была ўстаноўлена агароджа...

Магіла

старавераў

... У 40-я гады на Астравеччыне, непадалёк ад мяжы з Літоўскай Рэспублікай пражывала абшчына старавераў. Каля возера Падмядзіна ва ўрочышчы Стрыпішкі ў іх была свая царква. Побач знаходзіліся шматлікія хутары, на якіх і жылі сем'і старавераў.

22 жніўня 1942 года нямецка-фашысцкімі захопнікамі і іх памагатымі з прыбалтыйскіх рэспублік была праведзена карная аперацыя: з хутароў акупанты прыгналі 22 маладых

людзей ва ўзросце 18-22 гадоў, якіх расстралялі каля хутара Падмядзіна. Пад страхам смерці родным забаранілі хаваць іх целы на стараверскіх могілках, таму бязвінна забітыя маладыя людзі былі пахаваны на месцы расстрэлу.

– Як расказаў былы старшыня Падольскага сельсавета Уладзімір Астапец, пра здзейснены ў 1942 годзе масавы расстрэл яму расказалі ў 1973 годзе старажылы стараверскай абшчыны. Праз нейкі час па яго ініцыятыве на месцы расстрэлу быў устаноўлены бетонны знак-помнік з таблічкай, – расказвае Аляксей Тамчанок. – А потым Савецкі Саюз распаўся, месца, дзе былі расстраляны мірныя жыхары, стала фактычна Дзяржаўнай мяжой. У выніку інфармацыя згубілася і задакументавана не была.

– Падчас расследавання пракуратурай быў дапрошаны Малафей Зубанаў. Мужчына расказаў, што нямецкімі акупантамі быў расстраляны яго родзіч Іван Зубанаў, які жыў на хутары Крынічка, а яго брат Міхаіл змог збегчы ад немцаў, – працягвае пракурор. – Сам жа Малафей Зубанаў сведкам расстрэлу не быў, аднак інфармацыю пра яго чуў.

У кнізе «Памяць. Астравецкі раён» у раздзеле «Мірныя жыхары – ахвяры фашызму» сярод забітых у гады вайны на тэрыторыі былога Падольскага сельсавета пазначана імя Івана Зубанава з хутара Крынічка. Там жа змешчаны прозвішчы жыхароў іншых хутароў сельсавета – пэўна, гэта тыя ж расстраляныя стараверы.

ВАЖНА

Закон Рэспублікі Беларусь «Аб генацыдзе беларускага народа» прыняты Палатай прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь 14 снежня 2021 года. 5 студзеня 2022 года Аляксандр Лукашэнка падпісаў Закон аб генацыдзе беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Дакументам прадугледжваецца юрыдычнае прызнанне генацыду беларускага народа, здзейсненага нацысцкімі злачынцамі і іх памагатымі ў гады Вялікай Айчыннай вайны і пасляваенны час да 1951 года. Пад беларускім народам маюцца на ўвазе савецкія грамадзяне, якія ў той перыяд пражывалі на тэрыторыі Беларусі. Адначасова ўстанаўліваецца крымінальная адказнасць за публічнае адмаўленне генацыду беларускага народа, напрыклад, праз размяшчэнне адпаведнай інфармацыі ў СМІ ці інтэрнэце.

Текст: Елена Ярошевич